

# Надежды и разочарование: процессы вовлечения в радикальные экстремистские группировки и выхода из них

Кугай А. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kugay3@yandex.ru

## РЕФЕРАТ

Различные причины — политические или неполитические — приводят людей к участию в терроризме и подобных формах насильственного экстремизма. Лица, причастные к терроризму, происходят из разных социальных слоев и зачастую подвергались процессам насильственной радикализации. Профили террористов не работают как инструмент для выявления реальных или потенциальных террористов, потому что такие профили не отражают разнообразие и то, как люди меняются, когда вовлекаются в воинствующий экстремизм. Что предполагает более динамичную типологию участников воинствующих групп, основанную на измерениях, которые представляют динамические континуумы, а не статические положения. Разочарование в том, что изначально привлекало их в движение — были ли это политические цели, поиск дружбы или чувства сопричастности — один из главных факторов, ведущий к процессу ухода из воинствующего движения или группы. Однако разъединение — далеко не просто обращение вспять или зеркальное отражение первоначального процесса участия в воинствующем экстремизме. В ходе своей экстремистской карьеры отдельные активисты склонны менять ценности и мотивы, а также позиции и роли в боевой группе. Отсюда, лучшее понимание факторов, вызывающих разочарование для разных типов воинствующих активистов позволяет предложить возможности для усиления данных процессов, способствуя более высокому уровню индивидуального выхода из экстремистской группы.

**Ключевые слова:** экстремизм, терроризм, границы радикализации, идеологические активисты, дрифтеры и последователи, социально недовольная молодежь

**Для цитирования:** Кугай А. И. Надежды и разочарование: процессы вовлечения в радикальные экстремистские группировки и выхода из них // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 122–131.

## Hopes and Disappointment: Processes of Getting Involved in and Out of Radical Extremist Groups

Alexander I. Kugay

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; kugay3@yandex.ru

## ABSTRACT

Various reasons — political or non-political — lead people to participation in terrorism and similar forms of violent extremism. Those involved in terrorism come from different social backgrounds and have often been subjected to processes of violent radicalization. Terrorist profiles do not work as a tool to identify real or potential terrorists because such profiles do not reflect diversity and how people change when they become involved in violent extremism. Which suggests a more dynamic typology of militant group members based on dimensions that represent dynamic continuums rather than static positions. Disillusionment with what originally attracted them to the movement — whether it was political goals, the search for friendship or a sense of belonging — is one of the main factors leading to the process of

leaving a militant movement or group. However, disengagement is far from simply reversing or mirroring the original process of engaging in violent extremism. In the course of their extremist career, individual activists tend to change values and motives, as well as positions and roles in the militant group. Hence, a better understanding of the factors that cause frustration for different types of violent activists allows us to suggest opportunities for strengthening these processes, contributing to a higher level of individual exit from an extremist group.

**Keywords:** extremism, terrorism, the limits of radicalization, ideological activists, drifters and followers, socially dissatisfied youth

**For citing:** Kugay A. I. Hopes and Disappointment: Processes of Getting Involved in and Out of Radical Extremist Groups // Administrative consulting. 2023. N 2. P. 122–131.

## Границы радикализации

Люди участвуют в терроризме и подобных формах насильственного экстремизма по разным причинам [2]. Как правило, они делают это, чтобы осуществить мечту, потребность или стремление что-то сделать или чего-то достичь [1]. Частые неудачи в достижении того, чего они ожидали, или о чем мечтали, также обычно являются источником их разочарования и впоследствии основной причиной отказа от насильственного экстремизма.

Лица, причастные к насильственному джихаду или другим видам террористической деятельности, являются выходцами из разнообразных социальных слоев, зачастую подвергались насильственной радикализации. Не существует единого террористического профиля или единственной первопричины, которая стоит за радикализацией в терроризм [3; 5; 10; 12, с. 810; 20]. Например, в Официальном отчете о взрывах в Лондоне от 7 июля 2005 г. [21] говорится: «То, что мы знаем о бывших экстремистах в Великобритании, показывает, что нет постоянного профиля, который мог бы помочь определить, кто может быть уязвим для радикализации. Из четырех человек здесь трое были вторым поколением британских граждан, родители которых были пакистанского происхождения, и один, чьи родители были ямайского происхождения; один был алжирцем, которому не удалось получить убежище; у другого мать англичанка, а отец ямаец. Другой интерес представляют белые новообращенные. Кто-то получил хорошее образование, кто-то менее хорошее. Одни явно хорошо интегрировались в Великобританию, другие нет. Большинство одиноких, но некоторые семьянины с детьми. Некоторые ранее законопослушные, другие с историей мелких преступлений. В нескольких случаях име-

Идеологическая/политическая мотивация	⇔	Неидеологический/аполитичный
Лидер / высокий статус в группе	⇔	Последователь/ потребность принадлежать к группе
Социально адаптированный/ находчивый	⇔	Маргинальные/ слабые социальные ресурсы
Высокие эмоциональные потребности	⇔	Низкий уровень эмоциональных потребностей

Рис. Границы радикализации  
Fig. Boundaries of radicalization

ются свидетельства жестокого обращения или других травм в раннем возрасте, но у других воспитание было стабильным и любящим» [21, с. 31].

Такое понимание привело многих наблюдателей к двум отрицательным выводам: 1) не работает профилирование с целью выявления возможных террористов; 2) некоторые также утверждают, что бесполезно пытаться разрабатывать стратегии для предотвращения разнообразных процессов радикализации, поскольку никакие меры не смогут охватить их всех. Тем не менее возможно, что, если один размер не подходит для всех, «индивидуальный пошив» вмешательства может быть разработан.

Профилирование с целью выявления конкретных лиц, причастных к терроризму или уязвимых для радикализации к насилию, посредством сужения от более широкой популяции, оказывается бесполезным, производя слишком много ложных срабатываний, поскольку в выборку попадают также ложноотрицательные люди, которые соответствуют стереотипу потенциальных террористов, в то время как потенциальные и настоящие террористы остаются незамеченными, потому что они не соответствуют стереотипу. Однако профилирование измерений, процессов и путей радикализации несет в себе более многообещающий подход [14, с. 60; 15]. Понимание этих различных процессов приводит к необходимости выявления возможных превентивных вмешательств, которые могут быть использованы для блокировки процессов радикализации в сторону насилия и облегчения неприятия экстремизма.

Несколько исследований различных типов агрессивных групп показали, по крайней мере, в некоторой степени удалось выявить ограниченное число типов лиц, причастных к насильственным действиям, а также группы, которые характеризуются различными фоновыми факторами и путями радикализации. Немецкое исследование Гельмута Виллемса [23, с. 23] классифицировало преступников ксенофобного насилия на четыре основные разновидности: «правые активисты», «этноцентрическая молодежь», «криминальная молодежь» и «попутчики». Они охватывали различные профили с точки зрения политической/идеологической мотивации, включая организационное членство, социально-экономическое происхождение, образование, судимость и использование насилия. Исследование террористических ячеек джихадистов в Европе, проведенное Петтером Нессером [17–19], обнаружило, что эти ячейки, как правило, состояли из четырех основных категорий: предприниматель, протеже, неудачник и бродяга. Каждый тип формировался в различных социально-экономических условиях, имел различную зависимость от идеологии и политики. Интересно, что эти две типологии полностью совпадают с описанием трех из четырех типов активистов, даже если политические и идеологические ориентации этих групп сильно различаются.

В то же время типологизация и профилизация членов экстремистских групп, основанная на идеальных статистических типах, приводит к тому, что многие активисты как бы растворяются между идеальными типами, становясь невидимыми. К тому же типологии, успешно характеризующие один тип группы или движение, не столь эффективны при анализе иного типа движения.

Более динамичный и альтернативный подход заключается в описании лиц, причастных к экстремистским группам. В ряд измерений могут быть включены такие переменные, как возраст, пол или альтруизм/эгоизм, но для наших аналитических целей здесь выбраны четыре следующих размерности (рисунок).

Эти измерения следует рассматривать как динамические континуумы, а не как статические позиции. Любой человек может в течение своей жизни или экстремистской карьеры перейти от одного конца континуума к другому. Таким образом, человек, начинающий как аполитичный, может стать сильно политизированным и идеологизированным или перестать быть последователем, чтобы стать лидером с более высоким статусом. Довольно часто люди делают выбор не присоединяться к экстремистской группе.

Человек также может вначале быть относительно маргинализированным, но стать лучше социально адаптированным и интегрированным в общество, или может упасть с достойного положения в обществе в маргиналы, в связи с причастностью к насильственному экстремизму, быть пойманным за преступления или злоупотребление наркотиками. Более того, человек, вступивший в экстремистскую группу в поисках действия и азарта, может успокоиться с возрастом или перегореть из-за постоянного напряжения и истощения.

Различные экстремистские или террористические группы также могут быть описаны как состоящие из разнообразных смесей людей, которые в любой момент времени находятся на разных концах континуумов. Одни группы могут иметь большую долю лидеров и последователей на идеологически и социально хорошо адаптированных концах континуумов. Другие группы могут начать с лишь немногими лидерами и большей частью маргинализированными и аполитичными последователями, некоторые из которых могут постепенно стать более политизированными. Эти разные типы людей обычно будут действовать по-разному и играть дополнительные роли в каждой группе [4, с. 48–51].

Таким образом, описанные здесь типы, частично основанные на типологиях Бьорго [4] и Нессера [19], не следует рассматривать как статические профили, а скорее как позиции, к которым индивиды в различной степени могут двигаться вдаль от внутренних процессов радикализации либо дерадикализации, хотя наличие некоторых индивидуальных черт и качеств могут сильнее привязывать их более к одним позициям, чем другим. Что следует из понимания того, что террористические группы могут состоять из разных типов людей, которые прошли различные пути радикализации. Соответственно, необходимо разработать несколько конкретных мер, которые могут подойти каждому отдельному типу. Некоторые из этих типов подвержены социально-экономическим интервенциям, другие — психосоциальным факторам, а третьи связаны с идеологическими и политическими вопросами. Соответственно, превентивные стратегии должны быть адаптированы к конкретным факторам, лежащим в основе каждого основного типа активиста и специфики различных групп. Разные измерения, описанные выше, могут помочь нам предложить несколько точек вмешательства, чтобы побудить различные типы потенциальных активистов прервать свои процессы радикализации или выйти из группы боевиков, частью которой они были. Различные стратегии профилактики или вмешательства, вероятно, будут иметь разные эффекты на разных активистов, потому что у них разные потребности и уязвимости.

Таким образом, типы или профили, описанные здесь, не следует рассматривать как инструмент для выявления потенциальных террористов. Скорее их следует рассматривать как помощь в развитии более конкретных и целенаправленных стратегий предотвращения насильственной радикализации и содействия размежеванию с экстремистской организацией с учетом разнообразия радикальных активистов. Профили, рассматриваемые ниже, следует понимать как идеальные типы, а не как статические позиции, как типологию, основанную на измерениях, которые представляют динамические континуумы. Из этого следует, что в течение своей экстремистской биографии люди могут утрачивать соответствие одному типу, чтобы позднее приобретать больше характеристик других типов.

### **Идеологические активисты**

Особый тип радикализации характеризует идеологических активистов, играющих ведущие роли в террористических ячейках. Как правило, это харизматичные личности, мотивированные идеями и обостренным чувством справедливости, отзывчивостью на страдания других — будь то братья-мусульмане или другие объекты идентифика-

ции, глобально или локально. Джихадизм или другие разновидности политического насилия охватываются интеллектуальным процессом, когда необходимость действовать постепенно становится политическим или религиозным долгом [19].

Эти альтруистичные люди часто находчивы, образованы, хорошо интегрированы и в некоторых случаях даже считаются образцами для подражания в их сообществах [23]. Одним из ярких примеров является лидер лондонских бомбардировщиков (07.07.2005) Мохаммад Сидик Хан, который был хорошо образован и являлся уважаемым общественным деятелем, участвовавшим в волонтерской работе с молодежью [19, с. 102].

Одной из разновидностей являются опытные ветераны джихада, принимавшие участие в вооруженной борьбе на некоторых театрах военных действий за джихад (таких как Афганистан, Ирак, Чечня, Кашмир, Босния) и обладают определенным героическим имиджем, а также боевым опытом. Они также могут служить связующим звеном с движением глобального джихада.

Другая, более молодая разновидность может быть описана как протезы лидера [19]. Они склонны принимать джихадизм или другие формы воинственности, сочетая лояльность лидеру и политическую активность. Хотя зачастую они умны, умелые и хорошо социально адаптированы, они также могут быть впечатлительными и легко манипулируемыми старейшинами, на которых они равняются.

При этом те, у кого высокие баллы по идеологическим и политическим мотивам, могут испытывать разочарование, когда понимают, что группа или борьба не способствуют их делу, нацеленному на улучшение положения населения, за которое они якобы борются. Таким образом, тех, кто хотел воевать за мусульман, должно беспокоить то, что в восемь раз, по некоторым данным, Аль-Каида убивает больше своих единоверцев-мусульман, чем жителей Запада [13; 16]. Их также могут беспокоить противоречия между политическими целями и насильственными средствами, противоречащими убеждениям, вызывающими когнитивный диссонанс в обществе и СМИ.

Те, кто набрал высокие баллы в занятии лидерского положения, также уязвимы в утрате статуса и уверенности в группе. В таких ситуациях потеря статуса, возможность размежевания с радикальным движением может стать для них более привлекательной, чем пребывание в статусе лидера экстремистской организации. Иногда можно даже «помочь» лидерам потерять статус обладания доверием в своем окружении посредством различных форм вмешательства (например, путем распространения порочащей информации о них). Сочетание разочарования в сфере политических ориентиров и потеря руководящей роли увеличивают вероятность выхода из группы и последующую дерадикализацию на идеологическом уровне (что часто является постепенным процессом). Это также может усиливаться тенденцией к истощению и выгоранию среди людей, которые в течение длительного периода живут в режиме высокого давления и опасности, в условиях турбулентности, сродни пассажирам при взлете авиалайнера.

Существует также дополнительная ценность, связанная с отказом лидеров от участия в деятельности в экстремистской организации, способствующая предостережению молодых людей от последствий к присоединению к таким экстремистским движениям, ценность, открывающая путь к недовольству и размежеванию с движением, к которому они принадлежали.

Есть несколько ярких примеров этого от (про-)джихадистских групп до неонацистских и других видов агрессивных радикальных групп. Иногда бывшие лидеры экстремистских движений также играют важные роли в создании, руководстве и/или управлении организациями, создающими программы дерадикализации и размежевания с радикальными группировками. Примером могут служить программы выхода для бывших неонацистов в Швеции и Германии, также индонезийская про-

грамма реабилитации членов Джемаа Исламия и создание Фонда Куиллам бывшими британскими боевиками-исламистами [9].

### Дрифтеры и последователи

Для некоторых молодых людей опыт принадлежности к группе и принятия их в них как равных, возможность завоевать в них лидерские позиции являются основной ценностью, иногда перевешивающей большинство других соображений. В какую группу они попадают и по какой причине, зачастую зависит от случая и ситуации. Принадлежность к воинствующей группе обеспечивает мощную идентичность. Они ищут друзей, товарищества, защиты и удовлетворения ряда социальных потребностей [21, с. 86–87; 25; 4, с. 201–207]. Идеология не имеет большого значения для этих бродяг, по крайней мере поначалу, они не придерживаются особо экстремистских мировоззрений и не проявляют ярко выраженные политические взгляды. Их происхождение обычно не характеризуется социально-экономическими проблемами, безработицей или отсевом из школы, хотя довольно часто они испытывали одиночество и становились жертвой издевательств [4, с. 203–204; 8, с. 107–109; 6, с. 56–57]. Поиск общности и групповой солидарности играет важную роль в привлечении их к этим группам. Что касается готовности к насилию, решающими являются аспекты групповой динамики (конформизм и потребность произвести впечатление на других). Как правило, они не проявляют свою принципиальную готовность к насилию или общей ненависти к конкретным врагам. Однако они вполне могут быть готовы совершать акты насилия, чтобы проявить себя в глазах других в группе [25, с. 173]. Они редко являются инициаторами радикализации, авторами экстремистской идеологии, но их определяют сторонниками и последователями.

Особое разнообразие дрифтеров касается новообращенных. Это могут быть новообращенные в ислам, которые становятся частью ячеек джихада; или небелые, которые становятся частью воинствующих неонацистских групп; или лица из этнонационального большинства, которые становятся членами группы борьбы за права или отделение этнонационального меньшинства. Потому что эти странные люди несколько неуместны, они испытывают острую потребность проявить себя в качестве достойного и надежного члена группы. Они могут попытаться добиться этого, выражая твердые идеологические взгляды и готовность к совершению актов насилия. Таким образом, они могут казаться одними из самых крайних членов группы, по крайней мере, на уровне выражения. Некоторые люди этого типа имеют довольно маргинальное происхождение, другие могут быть находчивыми и альтруистичными.

Тех, у кого низкие показатели идеологической и политической мотивации, легче переубедить, поскольку они далеки от дела и идеологические дебаты не являются их заботой. Если они в основном мотивированы общением и необходимостью принадлежности к группе, они также склонны к разочарованию, если друзья, группа или лидеры не оправдывают высоких ожиданий дружбы, лояльности и лидерства.

Бывшие члены воинствующих неонацистских группировок рассказывали, как лидеры пытались манипулировать ими, чтобы они участвовали в актах насилия, которые для них самих не были комфортны, используя давление, а также обещания вознаграждения, чтобы побудить их [4, с. 217–218]. Люди, вышедшие добровольцами на джихад для борьбы с американскими захватчиками в Ираке или Афганистане, рассказывали о том, как местные лидеры пытались их уговорить участвовать в терактах смертников, а это — совсем не то, за чем они пришли. Перебежчики из организации Колумбийских партизан FARC и другие группы боевиков покинули группу, потому что они были разочарованы двойными стандартами лидеров — требованием жертв и аскетическим образом жизни пехотинцев, в то время как вожди наслаждались роскошной жизнью [22, с. 160].



Возлагая большие надежды на дружбу, верность и товарищество, наступает сильное разочарование, от того, что жизнь в воинствующей группе часто характеризуется недоверием и предательством. Давление извне и страх проникновения вызывают сильное чувство паранойи внутри группы, и зачастую заставляет людей обвинять друг друга в том, что они являются лазутчиками или потенциальными предателями. Распространение скандальных слухов и историй о других членах также является обычной практикой в экстремистских группах, в частности, в некоторых неонацистских группах [20, с. 160].

Британский боевик-исламист Мааджид Наваз был арестован по прибытии в Египет. Он провел месяцы и годы гниения в египетской тюрьме. Никто из его друзей по исламистскому движению не пытался когда-либо связаться с ним или помочь ему — он был предоставлен самому себе и своей судьбе. Единственными, кто вмешался и попытался вытащить его, были... сюрприз — Amnesty International — неправительственная организация, ориентированная на исследования в области защиты прав человека. Когда его наконец освободили, он ушел из джихадистского движения и стал соучредителем Quilliam Foundation — британского аналитического центра, работая над противодействием насильственной радикализации [3].

Для тех, кто в первую очередь мотивирован потребностью в принадлежности к альтернативным группам, нахождение в новых значимых для них группах может заменить связь с радикально настроенной ячейкой. Преданность романтическому партнеру вне группы или родительские обязанности для подростков также могут заставить молодого человека покинуть группу из-за различных приоритетов.

Интересно, что проект Exit за содействие выходу из правых экстремистских группировок и саудовская реабилитационная программа для джихадистов различными (в зависимости от культуры) способами пытались привлекать семьи и потенциальных супругов, чтобы связать этих бывших радикальных активистов с социальными обязательствами. Саудовская программа фактически помогла организовать и финансировать свадьбы для выпускников их реабилитационной программы [11, с. 217]. В нелегком скандинавском контексте авторы программы Exit, хорошо зная о реинтеграционных эффектах для бывших экстремистов от нахождения девушек/парней за пределами сцены боевиков, направили свои усилия на оказание помощи клиентам попасть в основные социальные сети, группы и мероприятия, где появлялись хорошие шансы встретить людей противоположного пола [4, с. 222; 7, с. 140].

### **Социально недовольная молодежь**

Социально недовольная молодежь проходит совершенно разные пути воинственной радикализации. Обычно они имеют личный (реальный или воображаемый) опыт дискриминации или недобросовестной конкуренции с другими группами за скудные ресурсы, чувствуя, что у них нет перспектив на хорошее будущее [4, с. 49–50, 330–332]. Они имеют ограниченное образование или другие формы социального капитала и могут страдать от безработицы, испытывать экономические трудности. Как правило, они не придерживаются каких-либо твердых экстремистских идей или идеологий, по крайней мере первоначально. Насилие против врагов узаконивается в меньшей степени ссылкой на идеологию или политическую стратегию, чем рассеянным чувством гнева. На крайнем конце этого типа людей находятся криминальные и маргинализированные лица, для которых характерен даже более негативный социальный и биографический фон, включающий разнообразную судимость. Они, как правило, бросают школу и остаются безработными. Семейное происхождение у них особенно проблематично: распавшиеся семьи, неудовлетворительное родительское содержание, жестокое обращение, использование насилия как средства дисциплины и общения в семье, члены семьи, погибшие на войне,

а также наличие другого травмирующего опыта. Они ориентированы на действия, агрессивны и имеют высокую готовность к насилию. Для них насилие — не средство политической борьбы, а повседневный элемент разрешения конфликтов [25]. Этот тип активиста не выступает идеологизированным фанатом, но поддерживает насилие для решения личных проблем [19, с. 93–94]. Эта схема найма и радикализации в джихадизм упоминается как форма личного спасения, «я-исцеления» или «обращения». Несмотря на их проблемное прошлое и отсутствие дисциплины, такие люди могут быть полезными для группы из-за их высокой готовности к насилию и компетентности в других формах преступной деятельности, служат инструментом для финансирования террористических проектов.

Некоторые присоединяются к террористическим или другим военизированным группам, потому что их привлекает насилие, воинственность и возбуждение. У них могут быть фантазии о приключениях и героизме участия в боевой борьбе. Это высшее исполнение мужских идеалов — быть настоящим мужчиной. Однако, с другой стороны, реальность может разочаровать. Жизнь террориста большую часть времени может быть бедной и скучной, с бесконечным ожиданием каких-либо действий. Те, кого привлекает экстремальное действие, могут получить больше, чем они просили. Быть охотником может являться кратковременной перспективой, однако быть добычей, за которой охотится полиция и разведывательные службы — долгосрочная перспектива. Реальность убийства товарищей, шокирующая боль, страдания и крики ни в чем не повинных жертв вызовет энтузиазм разве что у откровенных злодеев.

Социально-экономическая политика может иметь превентивную функцию по отношению к тем, кто затронут дискриминацией, безработицей и различными формами социальной, экономической и культурной маргинализации. Так обстоит дело с некоторой долей тех, кто принимал участие в различных видах терроризма в Европе. Некоторые меры должны быть направлены на все население или группы меньшинств, таких как вновь прибывшие иммигранты, в целях облегчения общей интеграции в общество (первичная профилактика); другие вмешательства должны быть направлены на категории риска, т.е. молодежь из бедных мусульманских семей в городских районах (вторичная профилактика); и некоторые социальные меры должны быть нацелены конкретно на молодых людей, которые уже связаны с экстремистскими группами, например, обучение для работы, где они могут социально взаимодействовать с положительными образцами для подражания и обрести перспективы для более позитивного будущего (третичная профилактика).

### **Заключительные замечания**

Деструктивные процессы вовлечения в воинствующие экстремистские группировки несут в себе определенный конструктивный потенциал размежевания с радикальной идеологией и политической практикой. Разочарование в том, что изначально привлекало их в движение — были ли это политические цели, поиск дружбы или чувства сопричастности — один из главных факторов, ведущих к процессу ухода из воинствующего движения или группы. Однако разъединение — далеко не просто обращение вспять или зеркальное отражение первоначального процесса участия в воинствующем экстремизме. В ходе своей экстремистской карьеры отдельные активисты склонны менять ценности и мотивы, а также позиции и роли в боевой группе. То, что привело их к экстремистским группам и к боевой деятельности, во-первых, может быть, а может и не быть тем же, что поддерживает их постоянное участие. Отсюда лучшее понимание процессов, вызывающих разочарование для разных типов воинствующих активистов, может позволить предложить возможности для усиления данных процессов, способствуя более высокому уровню индивидуального выхода из экстремистской группы.



## Литература

1. Кугай А. И. Экстремизм: природа, симптоматика, опыт и условия противодействия // Управленческое консультирование. 2015. № 2. С. 16–26.
2. Кугай А. И. Этиология терроризма // Управленческое консультирование. 2017. № 3. С. 16–27.
3. Alonso R. et al. Radicalisation processes leading to acts of terrorism: A concise report prepared by the European Commission's Expert Group on Violent Radicalisation. Brussels : Submitted to the European Commission on 15 May 2008.
4. Bjorgo T. Racist and right-wing violence in Scandinavia: Patterns, perpetrators and responses. Oslo : Tano-Aschehoug, 1997.
5. Bjorgo T. Root causes of terrorism: Myths, realities and paths forward. London : Routledge, 2005.
6. Bjorgo T. Conflict processes between youth groups in a Norwegian City: Polarization and Revenge // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. Vol. 13/1. 2005b.
7. Bjorgo T., van Donselaar J., Grunenberg S. Exit from right-wing extremist groups: Lessons from disengagement programmes in Norway, Sweden and Germany // Bjørgo & Horgan, 2008.
8. Bjorgo T., Carlsson Y., Haaland T. Generalisert hat — polariserte fellesskap: Om konflikter mellom ungdomsmiljøer i en norsk by. Oslo : NIBRs Pluss-serie, 4/2001.
9. Bjorgo T., Horgan J. Leaving terrorism behind: Individual and collective disengagement. London : Routledge, 2009.
10. Bokhari L., Hegghammer T., Lia B., Nesser P., Tønnesen T. H. Paths to global jihad: Radicalization and recruitment to terror networks. Oslo : Proceedings from a FFI Seminar. 2006.
11. Boucek C. Extremist re-education and rehabilitation in Saudi Arabia // Bjørgo & Horgan, 2008.
12. Dalgaard-Nielsen A. Violent radicalization in Europe: What we know and what we do not know // Studies in Conflict & Terrorism. 2010. N 33 (9). P. 797–814.
13. Helfstein S., Abdullah N., al-Obaidi M. Deadly vanguards: A study of al-Qa'ida's violence against muslims. West Point : Combating Terrorism Center, December 2009.
14. Horgan J. The psychology of terrorism. London : Routledge, 2005.
15. Horgan J. From profiles to pathways: The road to recruitment // Peace and Security. 11 May, 2008.
16. LaFree G. Using open source data to counter common myths about terrorism // Forst B., 2011.
17. Nesser P. Profiles of Jihadist Terrorists in Europe // B. Cheryl (ed.). A future for the young, options for helping Middle Eastern youth escape the trap of radicalization. Washington, 2006. P. 31–49.
18. Nesser P. Jihadism in Europe after the Invasion of Iraq: Tracing Motivational Influences from the Iraq War on Jihadist Terrorism in Western Europe // Studies in Conflict and Terrorism. 2006. N 29. P. 323–341.
19. Nesser P. Joining Jihadi terrorist cells in Europe: Exploring motivational aspects of recruitment and radicalization // M. Ranstorp (ed.). Understanding violent radicalisation: Terrorist and Jihadist movements in Europe. London : Routledge, 2010. P. 88–114.
20. Ranstorp M. Understanding violent radicalisation: Terrorist and Jihadist movements in Europe. London : Routledge, 2010.
21. Report of the Official Account of the Bombings in London on 7th July 2005, to the House of Commons, to be printed 11 May 2006. London : Stationary Office, 2006.
22. Ribetti M. Disengagement and beyond: A case study of demobilisation in Colombia // Bjørgo & Horgan, 2008.
23. Slootman M., Tillie J. Processes of radicalisation. Why some Amsterdam Muslims become radicals. Amsterdam : Institute for Migrations and Ethnic Studies, University of Amsterdam. 2006.
24. Willems H., Eckert R., Würtz S., Steinmetz L. Fremdenfeindliche Gewalt: Einstellungen, Täter, Konflikteskalation. Opladen : Leske+Budrich, 1993.
25. Willems H. Development, patterns and causes of violence against foreigners in Germany: Social and biographical characteristics of perpetrators and the process of escalation // T. Bjørgo (ed.). Terror from the extreme right. London : Frank Cass, 1995.

### Об авторе:

**Кугай Александр Иванович**, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; kugay3@yandex.ru

## References

1. Kugay A.I. Extremism: Nature, Symptoms, Experience and Conditions of Counteraction // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 2. P. 16–26 (in Rus).
2. Kugay A.I. Etiology of terrorism // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 3. P. 16–27 (in Rus).
3. Alonso R. et al. Radicalisation processes leading to acts of terrorism: A concise report prepared by the European Commission's Expert Group on Violent Radicalisation. Brussels : Submitted to the European Commission on 15 May 2008.
4. Bjorgo T. Racist and right-wing violence in Scandinavia: Patterns, perpetrators and responses. Oslo : Tano-Aschehoug, 1997.
5. Bjorgo T. Root causes of terrorism: Myths, realities and paths forward. London : Routledge, 2005.
6. Bjorgo T. Conflict processes between youth groups in a Norwegian City: Polarization and Revenge // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. Vol. 13/1. 2005b.
7. Bjorgo T., van Donselaar J., Grunenberg S. Exit from right-wing extremist groups: Lessons from disengagement programmes in Norway, Sweden and Germany // Bjørgo & Horgan, 2008.
8. Bjorgo T., Carlsson Y., Haaland T. Generalisert hat — polariserte fellesskap: Om konflikter mellom ungdomsmiljøer i en norsk by. Oslo : NIBRs Pluss-serie, 4/2001.
9. Bjorgo T., Horgan J. Leaving terrorism behind: Individual and collective disengagement. London : Routledge, 2009.
10. Bokhari L., Hegghammer T., Lia B., Nesser P., Tønnesen T.H. Paths to global jihad: Radicalization and recruitment to terror networks. Oslo : Proceedings from a FFI Seminar. 2006.
11. Boucek C. Extremist re-education and rehabilitation in Saudi Arabia // Bjørgo & Horgan, 2008.
12. Dalgaard-Nielsen A. Violent radicalization in Europe: What we know and what we do not know // Studies in Conflict & Terrorism. 2010. N 33 (9). P. 797–814.
13. Helfstein S., Abdullah N., al-Obaidi M. Deadly vanguards: A study of al-Qa'ida's violence against muslims. West Point : Combating Terrorism Center, December 2009.
14. Horgan J. The psychology of terrorism. London : Routledge, 2005.
15. Horgan J. From profiles to pathways: The road to recruitment // Peace and Security. 11 May, 2008.
16. LaFree G. Using open source data to counter common myths about terrorism // Forst B., 2011.
17. Nesser P. Profiles of Jihadist Terrorists in Europe // B. Cheryl (ed.). A future for the young, options for helping Middle Eastern youth escape the trap of radicalization. Washington, 2006. P. 31–49.
18. Nesser P. Jihadism in Europe after the Invasion of Iraq: Tracing Motivational Influences from the Iraq War on Jihadist Terrorism in Western Europe // Studies in Conflict and Terrorism. 2006. N 29. P. 323–341.
19. Nesser P. Joining Jihadi terrorist cells in Europe: Exploring motivational aspects of recruitment and radicalization // M. Ranstorp (ed.). Understanding violent radicalisation: Terrorist and Jihadist movements in Europe. London : Routledge, 2010. P. 88–114.
20. Ranstorp M. Understanding violent radicalisation: Terrorist and Jihadist movements in Europe. London : Routledge, 2010.
21. Report of the Official Account of the Bombings in London on 7th July 2005, to the House of Commons, to be printed 11 May 2006. London : Stationary Office, 2006.
22. Ribetti M. Disengagement and beyond: A case study of demobilisation in Colombia // Bjørgo & Horgan, 2008.
23. Sloodman M., Tillie J. Processes of radicalisation. Why some Amsterdam Muslims become radicals. Amsterdam : Institute for Migrations and Ethnic Studies, University of Amsterdam. 2006.
24. Willems H., Eckert R., Würtz S., Steinmetz L. Fremdenfeindliche Gewalt: Einstellungen, Täter, Konflikteskalation. Opladen : Leske+Budrich, 1993.
25. Willems H. Development, patterns and causes of violence against foreigners in Germany: Social and biographical characteristics of perpetrators and the process of escalation // T. Bjørgo (ed.). Terror from the extreme right. London : Frank Cass, 1995.

### About the author:

**Alexander I. Kugay**, Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; kugay3@yandex.ru